

На правах рукописи

004601900

ВАСИЛЬЕВ Юрий Юрьевич

**Бинарная оппозиция «живое – мертвое»
в русской традиционной культуре
(на материале отечественного фольклора)**

Специальность 24 00 01 – Теория и история культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

13 МАЙ 2010

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре мировой культуры Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель	доктор исторических наук, профессор Соловьев Владимир Михайлович
Официальные оппоненты	доктор философских наук, профессор Аванесова Галина Алексеевна доктор филологических наук Бахтина Валентина Александровна
Ведущая организация	Федеральное Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет культуры и искусств»

Защита состоится «26» мая 2010 г. в «15» часов на заседании диссертационного совета Д 212 135 07 в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет» по адресу 119034, Москва, ул Остоженка, д 38.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет»

Автореферат разослан «17» апреля 2010 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

Нестерова О. А.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Во всех многочисленных определениях культуры есть один общий момент культура – это сущностная характеристика человека, отличающая его от остального природного мира, некое внеприродное явление. Но из всех живых существ человек, вероятно, является единственным сознающим конечность своего существования, и поэтому проблема смерти, соотношение ее с жизнью, не может не занимать важнейшего места в культуре.

Возобновившийся в настоящее время отход от жесткого наукоцентризма позволяет рассматривать различные пути преодоления страха смерти, выработанные в культуре, в том числе и традиционной. Однако культурологическую актуальность нашего исследования мы видим не только в этом. На примере преодоления столь фундаментальной бинарной оппозиции, как «живое – мертвое», возможны выявление и исследование медиационного потенциала русской традиционной культуры, насколько она способна противостоять инверсионному способу преодоления противоречий, когда один из полюсов бинарной оппозиции заменяется другим. Инверсионный способ болезнен для развития культуры и ведет к невосполнимым потерям культурного наследия. Исследование медиации как способа разрешения противоречий особенно актуально для России, где традиция и инновация издавна находятся в сложных, весьма противоречивых отношениях. Пренебрежение традицией всегда негативно сказывалось на отечественной культуре.

Мифологические мотивы, характеризующие оппозицию между жизнью и смертью и впервые появившиеся в традиционной культуре, постоянно возникают и в современной культуре, обретая самые разные формы, от произведений искусства до квазинауки (когда научная терминология сращивается с элементами мифотворчества). Порой миф рассматривается как нечто ушедшее, не имеющее отношения к настоящему. Однако, при всем рационализме современного сознания, в нем и поныне остается место мифу, о чем свидетельствует широкий интерес к сообщениям о разного рода паранормальных явлениях, постоянно выплескиваемым средствами массовой информации. Миф – это не то, что можно запрещать или развивать. Можно лишь попытаться увидеть за мифом спонтанные бессознательные структуры, коренящиеся в человеческом подсознании. Многие мифы современной культуры уходят своими корнями в культуру традиционную, что предопределяет интерес к ней в современном обществе. Между тем научных работ, посвященных как традиционной культуре, так и проблемам мифотворчества в современной культуре, не так уж много, и обра-

зующийся вакуум заполняется различными наукообразными работами, или же к затронутым проблемам обращаются специалисты естественных или точных наук. Именно поэтому так актуально рациональное осмысление причин, порождающих мифотворчество, для чего необходим философско-культурологический подход к изучению традиционной культуры. Настоящая тема находится в русле этого магистрального направления современной науки.

Степень изученности проблемы. Теме жизни и смерти посвящена обширная литература. Поэтому мы отметим лишь те работы, в которых данная тема рассматривается непосредственно на материале отечественного фольклора или же анализируется в философско-культурологическом аспекте.

Впервые проблема оппозиции жизни и смерти была осознана в традиционной культуре и лишь потом стала предметом философских размышлений. Характерной чертой традиционной культуры¹, по нашему мнению, является мифологическое сознание, под которым мы понимаем сознание, стремящееся к эмоциональному осмыслению действительности (в отличие от научного сознания, стремящегося к осмыслению рациональному). Важнейшим памятником русской традиционной культуры является фольклор. Однако мифологический пласт в русском фольклоре не сразу привлек должное внимание исследователей. Хотя школу, ярчайшим представителем которой является А. Н. Афанасьев, нередко называют мифологической, ее уместнее было бы назвать «метеорологической», так как, с точки зрения ее последователей, миф представляет собой исключительно олицетворение физических процессов, совершающихся в земной атмосфере.

Другой влиятельной школой в русской фольклористике является историческая школа, наиболее значительными представителями которой были В. Ф. Миллер и Б. А. Рыбаков. Последователи этой школы искали в фольклоре, прежде всего в былинах, отражение реальных исторических событий, и миф, как нечто из области вымысла, их мало интересовал. Представитель школы исторической поэтики А. Н. Веселовский полагал, что сюжет возникает только один раз в одном месте, и распространенность фольклорных сюжетов объясняется заимствованием. Свою задачу последователи этой школы видели в том, чтобы проследить пути распространения сюжетов и их трансформации в различных условиях.

Однако усилиями фольклористов-собираателей в русской фольклористике уже к началу XX в. был накоплен обширный мифологический материал, в том числе и по интересующей нас теме, анализ которого был предпринят

¹ Другие характерные черты традиционной культуры отмечены на с. 7, 12 – 13.

Д К Зелениным в работе «Очерки русской мифологии Умершие неестественной смертью и русалки», изданной впервые в 1916 г

В работах А Н Соболева и Г С Виноградова, опубликованных в начале XX в, уже наблюдается переход от изложения собранного фольклорного материала к его обобщению, однако теоретическая база для изучения мифологии тогда еще только начинала складываться Не было даже четкого определения, что такое миф, чем он принципиально отличается от других явлений духовной культуры Решить эту сложнейшую задачу попытался А Ф Лосев в своей работе «Диалектика мифа» (первое издание в 1930 г) Интересно, что к сходным выводам параллельно пришел и французский ученый К Леви-Строс, основоположник структурной антропологии Как и А Ф Лосев, он полагает, что в рамках мифа возможно преодоление фундаментальных противоречий человеческого бытия, в том числе бинарной оппозиции «живое – мертвое»

Выводы К Леви-Строса и А Ф Лосева во многом базируются, хотя порой в полемической заостренности, на работах Э Кассирера и К Юнга, рассматривавших миф как важнейшую составляющую культуры и психики

Важнейшую роль в изучении русского фольклора сыграли работы В Я Проппа Для нас особый интерес представляет не столько его структурный анализ русской сказки, сколько ее мифологическое изучение, показывающее, что в сказочных сюжетах раскрываются мифологические представления человека

Работы А Ф Лосева, К Леви-Строса и В Я Проппа задают целую программу дальнейшего структурно-мифологического исследования фольклора как важнейшей составляющей традиционной культуры Последующие работы, так или иначе затрагивающие нашу тему, можно разделить на две категории в первой акцент делается на философско-культурологическом аспекте, во второй основное внимание уделяется изучению мифологического пласта в русском фольклоре

В философско-культурологическом аспекте проблема амбивалентности русской культуры рассматривается в работах русских философов конце XIX в – первой половине XX в И А Бердяева, В С Соловьева, Е Н Трубецкого, И А Ильина В работах Ю М Лотмана, А С Ахизера, вышедших во второй половине XX в, русская культура описывается в терминах бинарных оппозиций, в том числе затрагивается проблема оппозиции «живое – мертвое» Проблема взаимодействия жизни и смерти нашла отражение в работах современных исследователей В А Кутырева, А П Назаретяна, К Э Разлогова, В М Розина, О С Суворовой, Л В Фесенковой, Ю В Хен, Е Н Шульги На-

званные авторы рассматривают, как философское осмысление оппозиции «живое – мертвое» оказывает влияние на развитие культуры. Необходимо особо отметить работы В. М. Найдыша, в которых философия мифологии представлена в качестве отдельной отрасли духовной культуры. Работы Д. П. Козолупенко специально посвящены мифу как основанию культуры, а также генезису философского сознания из мифологического и их постоянному взаимодействию.

Изучению мифологического пласта в русском фольклоре посвящены работы Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Б. Н. Путилова, Л. Н. Виноградовой, Т. А. Новичковой, Н. А. Криничной, Н. М. Теребихина, Е. Хельберг-Хирн. Наибольший интерес для нас в этих работах представляет то, как в них раскрываются архаичные символы, с помощью которых в фольклорных памятниках кодируется бинарная оппозиция «живое – мертвое».

Цель исследования – выявление специфики пограничного пространства между полюсами бинарной оппозиции «живое – мертвое» в русском фольклоре и анализ его в философско-культурологическом аспекте.

Задачи исследования:

- выявление мифологических мотивов, характеризующих бинарную оппозицию «живое – мертвое» в русском фольклоре,
- классификация различных уровней лиминальности (пограничности) между жизнью и смертью фольклорных персонажей,
- выявление универсальных и специфических черт мифологических мотивов русского фольклора,
- классификация и анализ основных характеристик пограничного пространства в сфере МЕЖДУ полюсами бинарной оппозиции «живое – мертвое»,
- исследование медиационного потенциала русской традиционной культуры (то есть насколько она способна противостоять инверсионному способу разрешения противоречий)

Объект исследования – бинарная оппозиция «живое – мертвое» как одна из доминант традиционной культуры

Предмет исследования – сфера МЕЖДУ полюсами бинарной оппозиции «живое – мертвое» в русской традиционной культуре

Теоретическая и методологическая база исследования. В качестве базового методологического принципа исследования был избран структурный метод, разработанный К. Леви-Стросом и развитый применительно к русской культуре Ю. М. Лотманом, А. С. Ахнезером, Вяч. Вс. Ивановым, В. Н. Топоровым и др. Суть метода заключается не только в выявлении структурообразующих для мифа бинарных оппозиций, но и в исследовании способов

снятия этих оппозиций При таком подходе акцент переносится на исследование сферы МЕЖДУ полюсами бинарных оппозиций, где рождаются новые смыслы культуры При выявлении специфики мифа привлекаются теоретические положения, выдвинутые А Ф Лосевым Кроме того, используется сравнительно-исторический метод, разработанный В Я Проппом и Б Н Путиловым Именно эти авторы, на наш взгляд, оптимально преломляют сквозь его призму общемировой фольклорный материал для прояснения неясных, загадочных мест в русском фольклоре

Источниковедческую базу исследования составляют повествовательные произведения русского фольклора былины, сказки, легенды Эти фольклорные жанры различны, прежде всего, по степени достоверности излагаемых событий в восприятии сказителей и слушателей Былины воспринимались как повествование об абсолютно достоверных событиях, но относимых к особому «эпическому» времени Легенда лежит на границе эпического и исторического времени, сказка воспринимается как вымысел Однако во всех этих жанрах присутствует элемент чудесного, восходящий (согласно А Ф Лосеву) к мифу Все эти жанры принадлежат русской традиционной культуре, под которой мы понимаем культуру русской крестьянской общины, зафиксированную в многочисленных и разнообразных памятниках учеными-фольклористами в XIX – XX вв Это позволяет рассматривать столь различные жанры (не в филологическом, а в философско-культурологическом аспекте) совокупно, сравнивать их между собой как элементы русской традиционной культуры Русский фольклор является памятником многослойным, сохранившим элементы самых разных эпох Поэтому мы считаем возможным привлекать для сравнения мировой фольклорный материал, зафиксированный в самые разные периоды Особое внимание уделено ирландскому и карело-финскому фольклору, сравнительный анализ которого позволяет прояснить неясные места в русских фольклорных текстах

Научная новизна диссертации состоит в том, что предметом исследования становятся не столько сущность бинарной оппозиции «живое – мертвое» и формы, в которых она воплощается в русском фольклоре, сколько сфера МЕЖДУ полюсами этой оппозиции, где возникают новые культурные смыслы Поэтому основное внимание уделяется исследованию сущности пограничного пространства между миром мертвых и миром живых, где происходит снятие оппозиции «живое – мертвое» «Тот свет» рассматривается не только как мир мертвых, но и как особое пространство, защищающее жизнь от смерти В работе впервые акцент делается не на фольклористском анализе, а, прежде всего, на

философско-культурологическом аспекте темы Подобное исследование на стыке фольклористики, философии и культурологии прецедентов не имеет

Теоретическая значимость исследования. Результаты работы позволяют продолжить обоснование теоретических и методологических основ изучения структурообразующих бинарных оппозиций, воплощающихся в русском фольклоре, и показать, какую роль играет столь фундаментальная оппозиция, как «живое – мертвое», в истории русской традиционной культуры Это, в свою очередь, позволит конкретизировать систему символов русской традиционной культуры через призму бинарных оппозиций, осмыслить проблему преодоления фундаментальных противоречий в пограничном пространстве посредством медиации, определить роль медиационных процессов в развитии культуры

Практическая значимость исследования. Сделанные выводы позволяют распознавать в таких современных явлениях, как квазинаука или паранаука, элементы мифотворчества, когда эмоциональное осмысление действительности выдается за достижения современной науки Подмена научных исследований мифотворчеством приводит к имитации науки, наукообразию, и результаты данной работы позволят провести грань между мифотворчеством и наукой Материалы исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории религий и истории культуры, спецкурсах по истории и философии, в справочно-энциклопедической, учебной и историографической литературе

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) бинарная оппозиция «живое – мертвое» является одной из доминант в русском фольклоре,
- 2) амбивалентное отношение традиционного сознания к смерти и миру мертвых приводит к появлению в фольклоре как лиминальных персонажей, так и лиминального пространства, совмещающих в себе черты мира мертвых и мира живых,
- 3) лиминальные персонажи и лиминальное пространство играют роль медиаторов, снимающих бинарную оппозицию «живое – мертвое»,
- 4) в русской волшебной сказке присутствуют два совершенно различных образа «тридцатого царства» В одном отразились представления о мире мертвых, в другом – о лиминальном пространстве, являющемся медиатором между миром мертвых и миром живых,
- 5) в русском героическом эпосе и легендах, насыщенных историческими, этническими и географическими реалиями, тем не менее, возможно выявить следы лиминального (пограничного) пространства между жизнью и смертью, хотя и трансформированного под влиянием христианской идеологии

Апробация работы. Материалы исследования опубликованы в четырех статьях (объем 3 а л) и одной монографии (объем 8,5 а л), а также использованы в подготовке курса по теории и истории религий, прочитанного в Высшей школе психологии Материалы исследования послужили основой для доклада на *Втором Российском культурологическом конгрессе с международным участием «Культурное многообразие от прошлого к будущему»*, прошедшем в Санкт-Петербурге 25-29 11 2008 г

Структура и содержание работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка литературы и приложения.

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, рассматривается степень изученности темы. Определены цели и задачи, объект и предмет исследования, его теоретические и методологические основы, источниковедческая база. Сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, выделены основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Бинарная оппозиция «живое – мертвое» как одна из доминант в русском фольклоре. В первом параграфе – «Философские и культурологические подходы к изучению проблемы амбивалентности русской культуры» рассматриваются методологические и мировоззренческие основания предприятия исследования. Хотя многие авторы (Н А Бердяев, Ю М Лотман, А С Ахиезер) отмечают, что амбивалентность является характернейшей чертой русской культуры, они полагают, что необходим поиск присущих ей медиационных элементов, которые позволили бы противостоять инверсионному варианту решения возникающих в ней противоречий. Для выявления таких элементов в свою очередь необходимо изучение наиболее значимых оппозиций.

Мы полагаем, что для изучения бинарной оппозиции «живое – мертвое» в русском фольклоре необходимы выявление и анализ его мифологического пласта. На актуальность философского осмысления мифологии обращает внимание В М Найдыш в своих фундаментальных работах «Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма» (2002 г) и «Философия мифологии XIX – начало XXI в.» (2004 г). Он отмечает, что на рубеже XX и XXI вв. «*сложилась предпосылка для создания единой теории мифа. Эмпирической базой такой теории являются те закономерности мифотворчества, которые были выявле-*

ны в ходе целенаправленных исследований (в основном начиная со второй половины XVIII в.) лингвистами, этнографами, фольклористами, психологами, философами, социологами и специалистами других наук. Методологические и мировоззренческие основания такой теории формируются под влиянием философии мифологии, которая всегда относилась к мифу как к предмету рационального познания»¹

Таким образом, для изучения мифологического пласта в русском фольклоре имеются методологические и мировоззренческие основания. В связи с этим необходимо отметить, что И Кант в предисловии к «Критике чистого разума» утверждает: «На долю человеческого разума выпала странная судьба в одной из областей его познаний его осаждают вопросы, от которых он не может отделаться, так как они задаются ему собственной его природой, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят его силы»². Когда человеческий разум пытается выйти за границы всякого опыта, он неизбежно сталкивается с противоречиями. Разрешить эти противоречия пытается метафизика, которая, по мнению И Канта, есть «совершенно изолированная умозрительная наука разума, вовсе не опирающаяся на поучения опыта»³. И Кант полагает, что чистый разум не способен разрешить метафизические противоречия, поэтому философ ограничивает область знания, чтобы дать место вере⁴. Когда традиционное сознание осмысливает «мертвое» не просто как «неживое», но как враждебное «живому», ищет возможности противостоять «мертвому», избежать смерти, оно выходит за границы чувственного опыта, и перед ним встает метафизическая проблема. То, что в философском сознании воспринимается как метафизическая проблема, разрешить которую можно не столько на основании знания, сколько веры, в традиционном сознании кодируется как бинарная оппозиция «живое – мертвое», что отражается в фольклоре как противостояние между миром живых и миром мертвых. Попытка снять эту бинарную оппозицию, при которой традиционное сознание вынуждено выйти за границы чувственного опыта, может рассматриваться как философское размышление, что позволяет говорить о некоей предфилософии или народной философии, находящей воплощение в фольклорных произведениях. Так, И. А. Ильин утверждает: «Сказка есть первая, дорелигиозная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических об-

¹ Найдыш В. М. Философия мифологии XIX – начало XXI в. – М. Альфа-М, 2004 – С. 538

² Кант И. Критика чистого разума – Ростов-на-Дону Феникс, 1999 – С. 8

³ Там же, с. 19

⁴ Там же, с. 28

разах и в художественной форме»¹ Е.Н. Трубецкой также полагает, что в фольклоре можно отыскать отражение философских проблем. Он отмечает «Искателей чудесного манит сама неизвестность искомого, и оттого они так часто сами не знают, куда идут и чего ищут. Преклонение перед мудростью “незнания” составляет неожиданную черту сходства между философией Сокрыта и сказкой всех народов»²

Современный исследователь В.В. Соколов, рассматривая процесс зарождения в недрах мифологии предфилософских идей, отмечает, что переход от бинарных оппозиций, представления о которых складываются еще в рамках мифологического сознания, к триадной структуре сыграл важную роль в становлении философского сознания³. Д.П. Козолупенко полагает *«Все основные философские идеи вытекают из мифологических сюжетов, превращаясь в философские проблемы при их аналитическом рассмотрении»⁴*

Таким образом, есть основания полагать, что в рамках традиционной культуры сознание впервые предпринимает попытки решения философских проблем.

Во *втором параграфе* – «Бинарная оппозиция “живое – мертвое” как культурная универсалия» рассматриваются различные подходы к изучению этой фундаментальной оппозиции. В источниковедческом плане наиболее существенной нам представляется отношение к проблеме сопоставимости различных по жанрам и типам фольклорных произведений. Если для фольклорно-мифологического или историко-этнографического исследования очень важны границы между жанрами и типами фольклорных произведений, то для нашего философско-культурологического исследования основной интерес представляют универсальные мифологические мотивы, сохраняющиеся в разных жанрах и типах фольклора. Мы считаем возможным сравнивать между собой произведения разных фольклорных жанров для выявления и анализа универсальных мифологических мотивов.

Источники нашего исследования весьма разнообразны и по жанрам, и по времени и месту фиксации, но главное требование к ним – принадлежность к традиционной культуре. Здесь необходимо пояснить, что мы понимаем под традиционной культурой, поскольку по данному вопросу имеются различные

¹ *Ильин И.А.* Духовный смысл сказки / Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке – М. Лепта-Пресс, 2003 – С. 314.

² *Трубецкой Е.Н.* Три очерка о русской иконе «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке – М. Лепта-Пресс, 2003 – С. 215.

³ *Соколов В.В.* Историческое введение в философию – М. Академический проект, 2004 – С. 159.

⁴ *Козолупенко Д.П.* Миф на гранях культуры – М. Канон+, 2005 – С. 204.

мнения Мы не противопоставляем традиционные и инновационные культуры ни в синхронном (традиционные культуры Востока – инновационные культуры Запада), ни в диахронном (традиционные культуры Древнего мира и Средних веков – инновационные культуры Нового времени) плане, полагая, что традиционные черты (стремление сохранить достигнутое) и инновационные черты (стремление к новым достижениям) присутствуют в любой культуре, хотя соотношение их может быть различным Поэтому традиционная культура должна обладать определенными характеристиками Из них наиболее значимыми для данного исследования представляются следующие

Во-первых, традиционная культура – по преимуществу устная Эта характеристика принимается с некоторой оговоркой, так как некоторые памятники были записаны в древности и Средневековье (эпос о Гильгамеше, ирландские сказания, скандинавские саги), но сохранили традиционные черты, поскольку были сложены и до их письменной фиксации длительное время существовали в устной традиции

Во-вторых, традиционной культуре присуще «неосознанное авторство» Этот термин вводит М И Стеблин-Каменский, понимая под ним неразличение автором исторической и художественной правды¹. Автор фольклорного произведения стремится воспроизвести услышанное от предшественников максимально точно, но наилучшим образом, неосознанно внося свой вклад в создание произведения, сохраняя при этом традицию

В-третьих, в традиционной культуре отсутствует четкая граница между творцами и слушателями фольклорного произведения

Эти характеристики позволяют нам воспринимать традиционную культуру как целостное явление, весьма интересное для исследования в философско-культурологическом аспекте

Бинарной оппозиции «живое – мертвое» как культурной универсалии уделено много внимания в современных исследованиях, что рассматривается в данном параграфе Это лишний раз свидетельствует об актуальности выбранной нами темы Однако сфера МЕЖДУ полюсами бинарной оппозиции «живое – мертвое» в русской традиционной культуре в качестве отдельного предмета исследования пока не изучалась Настоящая диссертационная работа посвящена выявлению и анализу особого пространства в этой сфере, где возможно снятие антиномии между жизнью и смертью

В третьем параграфе – «Бинарная оппозиция “живое – мертвое” в русском фольклоре» рассматривается роль этой фундаментальной оппозиции в

¹ Стеблин-Каменский М И Мир саги. Становление литературы – Л. Наука, 1984 – С. 44

формировании мифологических сюжетов русского фольклора. Страх перед миром мертвых, возникший в глубочайшей древности, порождает в мифологии и фольклоре ужасающие образы как самого мира мертвых, так и его обитателей. В героическом эпосе именно мертвец становится главным противником героя и бинарная оппозиция «живое – мертвое» оказывается настолько устойчивой, что ее не может потеснить даже этническая оппозиция «свой – чужой». Наоборот, по мере того как межэтнические столкновения теряли свою актуальность, образ этнического врага становился все более смутным, размытым, разные народы сливались в образ одного врага, который приобретал демонические черты нежити. Бинарная оппозиция «живое – мертвое» сохраняется и в христианскую эпоху, отражаясь в героическом эпосе (былина «Камское побоище»), где богатырям-христианам, уповающим на Божью помощь, приходится выдержать самую тяжелую битву с мертвецами. Как показал Д.К. Зеленин, даже в начале XX в. русские крестьяне вела непримиримую борьбу с вредоносными мертвецами (которых Д.К. Зеленин предложил называть «заложными» покойниками¹), несмотря на преследования властей, видевших в таких действиях лишь порожденный невежеством вандализм.

Между тем, для человека, обладающего мифологическим сознанием, такой «порожденный невежеством вандализм» имеет глубочайший смысл. А.Ф. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» отмечает, что характернейшей чертой мифа является совмещение в нем обычного и необычного. Основополагающее в определении мифа – максимальная сопряженность в нем вещественно-телесной реальности с принципиальной ипобытийностью. Для русского крестьянина XIX в., носителя традиционной культуры, такое принципиально ипобытийное явление, как ходячий мертвец, было самой буквальной реальностью, а рассказы об ущербе, наносимом покинувшим могилу мертвецом, воспринимались как нечто обыкновенное, реальное, повседневное, и удивление вызывало не то, что мертвец покидает свою могилу, не его агрессивность по отношению к живому, а то, что человеку удается справиться с ним, избегнуть, казалось бы, неизбежной гибели. Мифологическое сознание сохраняет в традиционной культуре бинарную оппозицию «живое – мертвое» как одну из доминант, и поэтому русские крестьяне, по воскресеньям исправно посещавшие церковь, почами «вели бои» с «заложными» покойниками.

Глава 2. Амбивалентность смерти и мира мертвых в фольклоре. В первом параграфе – «Смерть как необходимое свойство бытия и мир мертвых»

¹ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Умершие естественной смертью и русалки – М. Индрик, 1995 – С. 39 – 40

как источник магических благ» рассматриваются причины амбивалентного отношения к смерти в фольклоре. Несмотря на страх и отвращение, испытываемые людьми перед смертью, миром мертвых и его обитателями, формируется амбивалентное отношение к этим явлениям. Смерть воспринимается как необходимость, предотвращающая от перенаселенности земли и избавляющая от мучительных болезней и утомленности жизнью. Мир мертвых – не только мрачная обитель, но и источник неизмеримых сокровищ, а также средств, способных защитить человека от смерти. Амбивалентное отношение к миру мертвых объясняется, видимо, тем, что, по древнейшим космогоническим представлениям, мир живых как организованное пространство возникает из хаоса, не имеющего формы. Хаос противопоставлен организованному пространству так же, как мир мертвых – миру живых. Поэтому представляется возможным отождествить мир мертвых с хаосом, точнее, с тем, что остается от хаоса после сотворения мира. Хотя хаос, в отличие от мира, не имеет формы, он обладает энергией, необходимой для творения мира. Мир же, обретая форму, истощает энергию, полученную при творении от хаоса. Потерять энергию, необходимую для поддержания существования мира, можно только в остатках хаоса – мире мертвых, и, как отмечает М. Евзлин, в этом, видимо, смысл мифов об умирающем и воскресающем божестве¹. Поэтому, хотя соприкосновение с миром мертвых очень опасно, оно совершенно необходимо для поддержания существования мира живых, и ритуал призван обезопасить это соприкосновение. Всякий контакт с царством мертвых вне рамок ритуала грозит гибелью. Мир мертвых *одновременно* представляет страшную опасность для мира живых и содержит энергию, необходимую для его поддержания. В этом истоки неоднозначного, амбивалентного отношения к миру мертвых.

Во *втором параграфе* – «Мир мертвых как источник средств против смерти» рассматриваются описываемые в фольклоре поиски спасения от смерти в самом мире мертвых. Видимо, основа для формирования таких представлений лежит где-то в глубинах человеческой психики, защищающей от страха перед смертью, но для нас важно подчеркнуть, что хотя человеческое сознание видит теперь во всем, что связано со смертью, не только нечто мрачное, но и некоторые достоинства, эти достоинства не исключают страха человека перед смертью. Человек *одновременно* боится мира мертвых и стремится к нему, но стремится диалектически – чтобы найти в нем защиту от смерти.

В *третьем параграфе* – «Проблема лимinality фольклорных персонажей в контексте бинарной оппозиции “живое – мертвое”» рассматривается,

¹ Евзлин М. Космогония и ритуал – М. Радикс, 1993 – С. 98-100

как амбивалентное восприятие смерти приводит к появлению в фольклоре лиминальных (пограничных) персонажей, находящихся на границе между миром живых и миром мертвых. В результате анализа можно выделить следующие уровни такой лиминальности:

1 «Заложные» покойники (временная лиминальность)

- а) беспокойные мертвецы, наносящие вред живым людям,
- б) проклятые мертвецы, стремящиеся уйти в мир мертвых

Несмотря на то, что такие мертвецы обладают как недостатками (не могут передвигаться днем), так и достоинствами (трудно обезвредить), состояние это воспринимается как неестественное и должно быть преодолено. Эти пограничные существа, скорее мертвецы, чем живые, должны уйти (добровольно или против их воли) в мир мертвых.

2 Пассивная (временная) лиминальность

- а) сон,
- б) окаменение

Хотя это состояние имеет очевидные достоинства (сохранность тела, красоты и молодости), в нем есть и недостатки (неподвижность), и поэтому такие пограничные существа, условно говоря, более живые, чем мертвые, должны вернуться к жизни.

3 Активная (постоянная) лиминальность

- а) Баба-яга – страж границы между миром мертвых и миром живых,
- б) существа, порожденные в результате брака между представителями мира живых и мира мертвых

В данном случае пограничное состояние является постоянным и естественным и позволяет героям активно действовать в своих интересах или, как в случае с Бабой-ягой, в интересах живого человека.

Причин возникновения представлений о пограничном состоянии заключается, во-первых, в амбивалентном отношении к миру мертвых, когда одновременно с ужасом, который он вызывает, в нем обнаруживаются и достоинства, а во-вторых, в попытке преодолеть бинарную оппозицию «живое – мертвое», в противоречии между жизнью и смертью, в стремлении избавиться от страха смерти. Мы не можем утверждать, что выделенные нами уровни лиминальности отражают развитие представлений о таком состоянии во времени, поскольку они существуют в сознании и фольклоре одновременно. Важно лишь подчеркнуть, что на уровне активной лиминальности сделана попытка преодолеть негативные черты и живого, и мертвого и выделить их достоинства. Существа, находящиеся на границе мира мертвых и мира живых или рождающиеся в

результате брака мертвеца и живого человека, объединяют в себе мертвую и живую природу и наследуют достоинства живых и мертвых, что проявляется, с одной стороны, в неуязвимости, необыкновенной физической силе и способности к магии (мир мертвых), а с другой – в способности действовать в интересах живых¹. Таким образом, соединение живой и мертвой природы воплощает в себе некий идеал – обладание магическими способностями позволяет противостоять миру мертвых. Именно в мире мертвых находится средство против смерти, и поэтому пограничные существа, имеющие отношение к этому миру, оказываются защитниками жизни от смерти.

Глава 3. Мотив волшебной страны как лиминального пространства.

Человеческое сознание искало спасения от страха смерти, стремясь снять оппозицию между живым и мертвым, и одним из вариантов решения этой проблемы стал поиск убежища на границе между жизнью и смертью. Однако наряду с представлениями об отдельных существах, занимающих пограничное положение, возникает представление о целой стране, находящейся между миром живых и миром мертвых.

В первом параграфе – «Волшебная страна в мировом фольклоре» рассматриваются формы лиминального пространства между жизнью и смертью. Например, в ирландском и карело-финском фольклоре существуют три мира: мир живых, мир мертвых и волшебная страна. То, что у волшебной страны много общего с миром мертвых, говорит о ее пограничности. Она обладает чертами мира мертвых, но не сливается с ним, а, напротив, противопоставляет ему. Если в мире мертвых живого ждет только смерть и он стремится избегать контакта с мертвецами, то в волшебную страну, несмотря на то, что она тоже представляет для него угрозу, его неудержимо влечет, и это главное отличие волшебной страны от мира мертвых.

В волшебную страну человека влечет следующее:

– во-первых – богатство. Сокровища совершенно невероятные, нереальные в мире людей, существующие лишь в волшебной стране. Причем это не только неисчислимое количество драгоценностей – богатство волшебной страны обладает магическими свойствами. При этом если в ирландском эпосе акцент делается на способности обитателей волшебной страны к магии, позволяющей им творить сокровища, то в карело-финском эпосе подчеркиваются магические свойства самого богатства – волшебной мельницы Сампо, обеспечивающей изобилие в волшебной стране Похьеле,

¹ Такими магическими свойствами обладает, например, Царевна-лягушка, дочь Кощея Бессмертного.

– во-вторых, в волшебную страну людей влекут женщины В фольклоре подчеркивается необыкновенная красота женщины этой страны, и поэтому в ирландском эпосе мужчины из мира людей неспособны не откликнуться на призыв женщины волшебного мира, а в карело-финском эпосе мужчины из страны людей – Калевалы – настойчиво стремятся высватать невест из волшебной страны,

– в-третьих, обитатели волшебной страны в противостоянии миру мертвых призывают людей на помощь Таким образом, волшебный мир и мир живых ведут совместную борьбу с миром смерти,

– в-четвертых, людей обывденного мира манит вечная юность жителей волшебной страны Казалось бы, вечная жизнь сближает их с мертвецами – тому, кто уже умер, смерть не угрожает Но если в мертвецах подчеркивается их страшное уродство, то характерными чертами жителей волшебной страны являются именно красота и молодость, причем обрести их там могут и представители мира людей, что также влечет их в волшебную страну

Однако попасть человеку в столь манящую его волшебную страну не просто – так, в карело-финском эпосе обращается внимание на то, что волшебная страна отделена от мира людей препятствиями и поэтому путь в нее очень опасен

Таким образом, основными характерными чертами волшебной страны являются

- 1) несметные богатства, создаваемые магическим путем и обладающие магическими свойствами,
- 2) необыкновенная красота женщин, преодолимо влекущая героев из мира людей,
- 3) враждебность обитателей этой страны миру мертвых;
- 4) вечная юность и красота всех, кто попадает в эту страну,
- 5) опасные препятствия, преграждающие человеку путь в волшебную страну

В этих характеристиках причудливым образом совмещаются, казалось бы, несовместимые свойства вполне реальные, обыкновенные вещи (мука, соль, деньги, драгоценности, мельница и т. д.) возникают в нереальных количествах необыкновенным, магическим путем, телесная красота женщин сопряжена с вечностью их юности, с их магическими способностями Чтобы понять это явление, необходимо обратиться к определению мифа, данному А.Ф. Лосевым *«миф есть чудо»*¹, а *«в чуде мы имеем дело прежде всего с совпадением или, по*

¹ Лосев А.Ф. Философия Мифология Культура – М. Политиздат, 1991 – С. 136

крайней мере, с взаимоотношением и столкновением двух каких-то разных планов действительности»¹ Главным свойством волшебной страны оказывается именно ее волшебность, чудесность, которая позволяет совпадать в ней разным планам действительности – жизни и смерти

Во **втором параграфе** – «Иностранцы «тридесатого царства» в русской сказке» рассматривается формирование лиминального пространства между жизнью и смертью отечественном фольклоре Вопреки общепризнанному мнению о том, что «тридесатое царство» русской сказки – это исключительно мир мертвых², мы считаем, что следует различать два тридесатых царства, одно из которых обладает признаками мира мертвых, а другое – волшебной страны Исходя из этого принципа возможно выделить три типа сказок

В сказках **первого типа** присутствует только мир мертвых Облик этого мира весьма зловещий, герою здесь грозит гибель, и, хотя только в этом краю он может добыть столь необходимые ему волшебные вещи, а иногда и невесту, он стремится покинуть мир мертвых как можно скорее

Наиболее многочисленны сказки **второго типа**, где присутствуют сразу два тридесатых царства мир мертвых и волшебная страна Этот тип сказок можно разделить на подтипы

1 В волшебную страну попадает отец, где получает в награду волшебный предмет, а из-за неправильного пользования этой наградой в мир мертвых отправляется его сын, где добывает невесту, которая помогает ему вырваться из мира мертвых Волшебный предмет перемещается в волшебную страну, а невеста еще в мире мертвых

2 Герою доводится побывать и в волшебной стране, и в мире мертвых, причем оба путешествия сюжетно связаны между собой в волшебной стране герой добывает то, что выручает его в мире мертвых Так намечается мотив противостояния волшебной страны миру мертвых

3 Столкновение между представителями волшебной страны и мира мертвых происходит в царстве людей Жена царя, принадлежащая волшебному миру, рождает чудесных детей, выходец из мира мертвых их похищает Сама по себе волшебная страна представлена лишь в облике царства, которое жена-волшебница и один из ее чудесных детей творят на пустынном берегу силою своих чар, а мир мертвых – в облике подземелья, куда Баба-яга прячет похищенных детей

¹ Лосев А.Ф. Философия Мифология Культура – М. Политиздат, 1991 – С. 142

² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки – Л. Изд-во ЛГУ, 1986 – С. 281-297

4 На первый план выходит волшебная страна, куда герой отправляется за молодильными яблоками и живой (омолаживающей) водой. В этой стране вечной молодости героя привлекает прежде всего ее повелительница – дева-богатырка, перед чарами которой он не может устоять даже под страхом смерти. Образ мира мертвых, заслоненный образом волшебной страны, напротив, блекнет, героя в мир мертвых отправляют его братья, причем они могут сделать это двумя способами. Убить или сбросить в подземелье.

В сказках **третьего типа** присутствует только волшебная страна. Мира мертвых как такового нет – напомним о нем остается лишь яйцо, в котором когда-то была заключена смерть Кошеля, но теперь в нем – любовь. В этом типе сказок наиболее явственно проступает отличие волшебной страны от мира мертвых – это страна любви, и бинарная оппозиция «живое – мертвое» здесь выступает в форме оппозиции «рождение – смерть».

Таким образом, хотя волшебная страна и связана с миром мертвых, поскольку выделяется именно из него, но это уже особое пространство, обладающее своими собственными характеристиками, отличающимися ее как от мира мертвых, так и от обывденного, реального мира.

Волшебная страна русских сказок обладает теми же характеристиками, которые выделены нами в ирландском и карело-финском эпосах.

Во-первых, это страна изобилия, неисчислимых богатств, создаваемых магическим путем и обладающих магическими свойствами (скатерть-самобранка, чудесные жерновцы, дворец, помещающийся в яйце, ларец, содержащий целое царство или множество скота, и т. д.)

Во-вторых, волшебная страна русской сказки – царство женщин, влекущих героев из мира людей столь неодолимо, что ради их любви они готовы рискнуть жизнью, властвует там женщина.

В-третьих, волшебная страна оказывается страной вечной молодости, и герой стремится туда уже не за богатствами, а за молодильными яблоками и живой водой, дарующими молодость не только обитателям этой страны, но и людям реального мира.

В-четвертых, и в русских сказках прослеживается противостояние волшебной страны миру мертвых. Однако оно проявляется не в открытой битве, как в ирландских сказаниях, а в том, что в волшебном мире люди получают средства для противостояния миру мертвых, либо представители волшебной страны оказывают помощь людям в борьбе с мертвецами, либо выходцы из мира мертвых покушаются на детей женщины из волшебной страны, но терпят поражение.

В этом противостоянии проявляется посредническая функция волшебной страны между людьми и миром мертвых. Возникая на границе этих миров, волшебная страна объединяет в себе их лучшие черты. Таким образом, волшебная страна русской сказки трансформируется из мира мертвых, избавляясь от его зловещих черт и сохраняя положительныe свойства: способность к магии и вечную жизнь.

В *третьем параграфе* – «*Волшебная страна в русском героическом эпосе*» рассматривается лиминальное пространство между жизнью и смертью в русской былине. Воинские былины, посвященные отражению иноземного нашествия, занимают важное место в русском фольклоре. Фантастическое, волшебное в этих былинах сведено к минимуму и выражается лишь в необыкновенной силе героев. К воинским былинам примыкают былины социальные, посвященные конфликту героев с властью или друг с другом, семейным конфликтам. В них мифологические, волшебные элементы также минимальны. По отношению к воинским и социальным былинам вполне справедливо мнение В. Я. Проппа о том, что русский эпос создан не на основе мифологии, а путем преодоления ее и обобщения реально-исторического опыта¹.

Однако, кроме воинских и социальных былин, в русском героическом эпосе есть былины, в которых сохранился мифологический пласт, причем он не является в них вторичным, привнесенным, а составляет основное содержание сюжета. Особенно показательны в этом отношении былины о Дюке Степановиче и Садко, сохранившие память об ином, волшебном мире, возникающем в результате попытки преодоления бинарной оппозиции «живое – мертвое». Только волшебной природой родины Дюка Степановича можно объяснить тот восторг, с которым сказители описывают упижение эпического Киева. Родина Дюка обладает теми же характеристиками, которые мы выделили для волшебной страны в мировом фольклоре и русской сказке. В былинах о Садко ярче проступает амбивалентное отношение к волшебной стране. С одной стороны, Садко принимает сокровища этой страны и с их помощью посрамляет Великий Новгород, скупая все его товары, с другой стороны, он не желает остаться в ней навсегда. Его не привлекает даже женщина волшебного мира, он воздерживается от брака с ней, благодаря чему возвращается на родину. Такая трансформация мотива волшебной страны происходит под влиянием христианства, которое выработало свой способ преодоления бинарной оппозиции «живое – мертвое», разделив загробный мир на рай и ад. Однако христианизация сознания людей – носителей традиционной культуры не приводит к исчезновению мотива волшебной

¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958 – С. 508.

страны – теперь она помещается между адом и раем, сохраняя свое пограничное положение. Христианство только усиливает амбивалентное отношение к волшебной стране. С одной стороны, она по-прежнему манит своими богатствами, чудесами и женщинами, но с другой стороны – пребывание в ней препятствует обретению спасения в раю.

Итак, мифологический пласт сохраняется в русском былинном эпосе, который в то же время является христианским эпосом – не только в том смысле, что существует в среде христианского населения, но и потому, что герои его христиане и это во многом определяет их поступки. Стремление видеть в мифологии непременно остатки язычества породило в фольклористике термин «двоеверие». Однако Е.Е. Левкиевская справедливо замечает: *«Термин двоеверие, критикуемый многими современными учеными, безусловно, отражает культурную ситуацию со стороны стороннего наблюдателя, исследователя, способного разделить языческий и христианский пласты в народных верованиях, но ни в коем случае не позицию самого носителя традиционного сознания, который не осознает противоречия в системе своих верований»*¹. В данном контексте неправомерно было бы отождествлять язычество в качестве дохристианского пласта в верованиях русского народа с политеизмом в качестве религиозной системы, поскольку, как отмечает В.М. Соловьев, такое определение язычества, даваемое в современных справочниках, *«несовершенно, условно, поскольку лишь обозначает контуры предмета, не передавая его сути как целой системы миропонимания, эстетической философии, образа жизни»*². С этой точки зрения характерной чертой язычества является не политеизм, а мифологичность, что позволяет язычеству сосуществовать с христианством в рамках цельного мировоззрения. Поэтому более приемлемым нам представляется предложенный А.Я. Гуревичем термин *«народное христианство»*³. Вера простого народа не может быть такой же, как вера ученых богословов. Народное сознание менее рационализировано, более насыщено мифологемами. Однако, хотя эти мифологемы восходят к язычеству, они настолько трансформированы христианством, что уже не могут рассматриваться как элементы языческой религии. Подчеркнем, что для традиционного сознания характерно целостное восприятие мира, который не может распадаться на христианскую и языческую составляющие. Трансформируя мифы, христианство само подвергается их

¹ Левкиевская Е.Е. Примечания / Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – С. 319, прим. 1.

² Соловьев В.М. Языческий след // Слово. – 1996, № 7-8. – С. 19.

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – С. 378.

влиянию, в результате чего формируется вариант народного христианства, отличающийся от варианта христианства богословов. Мифология не должна противопоставляться христианству, так как является неотъемлемой частью народного христианства, что и обеспечивает целостность картины мира человека традиционной культуры.

В *четвертом параграфе* – «*Лиминальное пространство в русской легенде*» рассматриваются мифологические мотивы, использованные для создания легенды о граде Китеже и позволяющие предполагать, что в ней возникает образ пограничного волшебного мира, расположенного между миром мертвых и миром живых. Эти мотивы следующие:

- местоположение в холмах или под водой, что означает пограничное положение между наземным миром живых и подземным миром мертвых,
- возможность по своему желанию быть видимым или невидимым, что означает пограничность между видимостью живых и невидимостью мертвых,
- неисчислимые богатства, возникающие магическим путем,
- способность обитателей этого мира к магии, в том числе и к целительству.

Однако в легенде о граде Китеже выпадает один из важнейших мотивов, выделенных нами в качестве характерных для волшебной страны, – доминирующая роль женщин. Если в ирландских сказаниях, карело-финских рунах, а также (как мы пытались показать) в русских сказках и былинах волшебная страна предстает как женское царство, то град Китеж населен преимущественно старцами. Женщины же уже не мают в этот таинственный мир, а, наоборот, оказываются препятствием на пути к нему. Исчезновение мотива доминирования женщин связано с влиянием христианства. Если в мифологическом сознании женщине, порождающей новую жизнь, отводилась важная роль в борьбе со смертью, то христианство предлагает иной способ преодоления бинарной оппозиции «живое – мертвое», при котором альтернативой смерти является не рождение, а воскресение, и доминированию женщины здесь уже нет места.

Что же влечет людей в град Китеж? Хотя христианство предложило свой способ преодоления бинарной оппозиции «живое – мертвое», разделив загробный мир на рай и ад, это не избавило человека от страха смерти. Его по-прежнему страшит неизвестность. Мало кто может быть твердо уверен в том, что после смерти попадет в рай. Лишь смерть (успение) святых отмечается как праздник. Град Китеж же оказывается тем пограничным пространством между земным миром и раем, куда люди могут уйти при жизни, но пребывание в котором даст надежду на обретение рая.

В легенде о граде Китеже мир мертвых уже трансформировался в пограничное пространство между миром живых и раем. Резко амбивалентные отношения к смерти и миру мертвых характерно прежде всего для первобытного, архаичного сознания, которое способно одновременно испытывать ужас перед смертью и видеть в мире мертвых источник несомненных богатств, магических способностей и даже средств против самой смерти. Архаичное сознание не боится, не замечает противоречий, что отражается в созданной им мифологии. Однако христианизированное сознание русского крестьянства более рационализировано, чем архаичное сознание первобытных народов, и поэтому стремится преодолеть страх перед неизвестностью, порождаемый бинарной оппозицией «живое – мертвое». Но оно не настолько рационализировано, чтобы использовать для этого преодоления иные средства, кроме выработанных мифологией. Представления о волшебном мире как пограничном пространстве между миром живых и миром мертвых возникают в результате рационализации сознания, но рационализация эта частичная, поэтому для создания образа волшебного мира используются древние мифологические мотивы. Взаимодействие древних мифологических мотивов и христианской мифологии, как мы пытались показать, ярко проявилось в легенде о граде Китеже. Таким образом, в традиционной русской культуре, в основе своей христианской, сохраняются древние мифологические мотивы.

Проведенный анализ позволяет уточнить и конкретизировать мотивы, формирующие образ волшебной страны, а также то, как эти мотивы отражаются в различных жанрах русского фольклора.

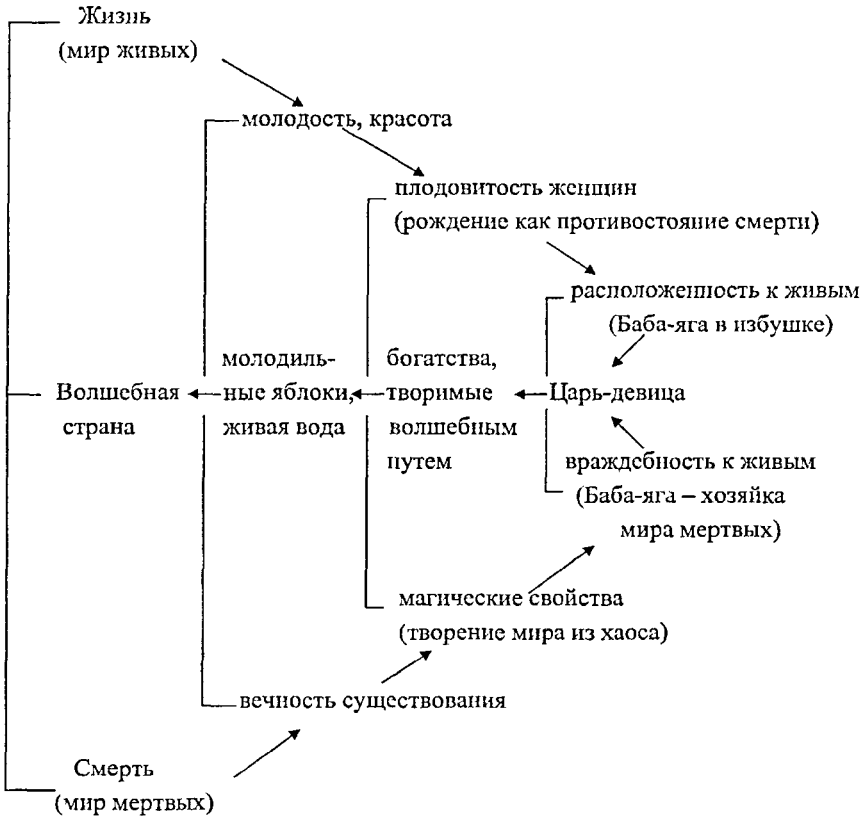
Основные мотивы	В каких жанрах присутствуют
Вечная молодость и красота	Сказка
Доминирование женщин	Сказка, эпос
Необыкновенная плодовитость женщины	Сказка
Способность к магии, в том числе:	
становиться невидимым	Легенда
создавать богатства	Сказка, эпос, легенда
исцелять	Сказка, легенда
Отгороженность от мира людей заставами	Эпос
Отгороженность от мира мертвых рекой	Сказка, эпос
Противостояние миру мертвых	Сказка
Расположенность к людям	Сказка, эпос, легенда

Как видно из таблицы, все эти могилы весьма полно представлены в русском фольклоре. Однако наиболее важно то, что все они могут использоваться в качестве медиаторов, разрешающих основные противоречия, порождаемые бинарной оппозицией «живое – мертвое». Противоречия эти следующие:

красота и молодость живых	–	безобразие и старость мертвых
способность живых к порождению новой жизни	–	способность мертвых лишать жизни
временность существования живых	–	вечность существования (кто умер, тот уже не умрет)
подверженность живых старению и смерти	–	способность мертвых к магии, в том числе и целительской (саван мертвеца, исцеляющий раны)

Механизм медиации заключается в том, что с помощью медиатора вводятся менее резкие оппозиции по сравнению с оппозициями, полюса которых, казалось бы, не имеют ничего общего. Выделить медиатор между жизнью и смертью сразу невозможно, так как это одна из самых фундаментальных оппозиций: жизнь отрицает смерть, смерть отрицает жизнь. Поэтому в фольклоре оппозиция «жизнь – смерть» заменяется оппозицией «красота и молодость живых – вечное существование мертвых». Между этими полюсами уже можно искать нечто общее, что позволяет выявить следующую оппозицию «плодовитость женщины живых – магические способности мертвых». Акт творения ребенка как противоположность смерти противопоставлен магическому творению. Женщина путем рождения творит новую жизнь – из хаоса (мира мертвых) магическим путем сотворяется упорядоченное пространство (мир живых). В обоих случаях мы имеем дело с творением, что еще больше позволяет сблизить полюса бинарной оппозиции «живое – мертвое». Однако магия мира мертвых, несмотря на всю ее привлекательность для живого, таит смертельную опасность. Мертвец агрессивен по отношению к живому, это сущность его мертвой природы. Поэтому возникает следующая оппозиция «расположенность к живым – враждебность к живым». В фольклоре эта оппозиция проявляется в двух ипостасях Бабы-яги. Если Баба-яга в своей злой ипостаси находится еще в мире мертвых, то Баба-яга в доброй ипостаси находится уже на границе волшебной

страны Между этими оппозициями можно поместить медиатор, который обладает свойствами обоих полюсов оппозиции. Формирование такой медиативной структуры можно представить следующей схемой

Как видно из схемы, медиатором между полюсами оппозиции «красота и молодость живых – вечность существования мертвых» являются молодильные яблоки и живая вода, позволяющие сохранять красоту и молодость очень долго, если не вечно. Медиатор между полюсами оппозиции «плодовитость женщин живых – магические свойства мертвых» – богатства, творимые магическим путем. Медиатором между полюсами оппозиции «расположенность к живым – враждебность к живым» оказывается Царь-девица, которая сначала угрожает жизни героя, но потом вступает с ним в брак и рождает ему детей. Царь-девица

правит тридесатым царством, население которого состоит из одних женщин и где хранятся молодильные яблоки и живая вода, а также несомверные, немислимые для обычного мира богатства. Таким образом волшебная страна – тридесатое царство включает в себя медиаторы всех перечисленных выше оппозиций и сама по себе является медиатором между миром мертвых и миром живых. Признаки волшебной страны мы обнаруживаем в былинне о Дюке Степановиче (магическое богатство, верховенство женщины) и в легенде о граде Китеже (магическое богатство, целебная вода озера, прямой путь к вечному существованию)

Если сравнить структуру, выявленную нами на материале русского фольклора, с той, что была выявлена К. Леви-Стросом на материале фольклора американских индейцев¹, можно заметить, что при единстве целей и методов формы медиации весьма различны. Это свидетельствует, что структуры, порождаемые человеческим сознанием, не являются столь жесткими, как это представлялось К. Леви-Стросу, и способны приобретать самые различные формы снятия бинарных оппозиций. При этом медиативная структура, возникающая в русском фольклоре, не является строго специфичной для него – подобную структуру мы прослеживаем также в ирландском и карело-финском фольклоре. И хотя не все ее элементы точно совпадают, образы пограничного пространства между миром живых и миром мертвых весьма схожи.

В структуре, выявленной К. Леви-Стросом, медиатором между жизнью и смертью выступает ворон (или койот). В отечественном же фольклоре возникает целое медиативное пространство, неодолимо влекущее к себе героя, где он обретает любовь (как противоположность смерти), вечную молодость и несомверные богатства, и это свидетельствует о развитости сферы МЕЖДУ жизнью и смертью в русской традиционной культуре.

Заключение. Выявленные характеристики волшебной страны позволяют признать, что она способна выполнить функцию медиатора с целью снятия бинарной оппозиции «живое – мертвое».

В культурологической и философской литературе (см. работы Ю. М. Лотмана, А. С. Ахнезера) уже общим местом стали размышления о недостаточной развитости в российском обществе переходных элементов, сферы МЕЖДУ, из-за чего острейшие конфликты разрешаются посредством взрыва или инверсии, когда один полюс бинарной оппозиции заменяется противоположным. Однако это относится скорее к социально-политическим и экономическим явлениям, тогда как культура, в том числе и традиционная, демонстрирует

¹ Леви-Строс К. Структурная антропология – М. Наука, 1985 – С. 201

(как мы пытались показать) достаточно развитую сферу МЕЖДУ, в которой возможно разрешение конфликтов путем медиации. Тем важнее представляется нам продолжение изучения русской традиционной культуры.

Жизнь – это отчаянная борьба за существование с неизбежным сокрушительным поражением в итоге. Смерть абсолютно неизбежна, но тем не менее человек упорно борется за жизнь, и смысл этой борьбы – важнейшая философская проблема, постоянно воплощающаяся в культуре.

Героический эпос моделирует человеческую жизнь: герои мужественно борются с врагами только затем, чтобы в итоге потерпеть поражение. Но человеческое сознание не может смириться с окончательным поражением – русские богатыри очнутся от окаменения, король Артур проснется. Так решает проблему смерти героический эпос.

Сказка решает проблему жизни и смерти по-иному. В сказке счастливый конец не столько в социальном, сколько в экзистенциальном плане – в волшебной стране, на границе между жизнью и смертью, герой обретает любовь (как противоположность смерти), а значит – бессмертие.

Выступить же медиатором между миром живых и миром мертвых волшебной стране позволяет сама природа мифа, отмеченная еще А. Ф. Лосевым. Природа эта заключается в том, что миф способен совмещать несовместимое в единое непротиворечивое целое, и целое это есть мифическая реальность. Осуществляет же миф такое совмещение посредством чуда. Миф выступает посредником между обыкновенным и необыкновенным, снимая противоречия между ними, так что в мифической реальности необыкновенное воспринимается как обыкновенное, и это есть чудо. Живое и мертвое объединяются в волшебной стране благодаря чуду, и главной особенностью этой мифической реальности является то, что чудесное, волшебное воспринимается в ней как нечто совершенно обыкновенное. Посредством чуда создается такая реальность, в которой возможно то, что невозможно ни в мире живых, ни в мире мертвых. Волшебная страна есть торжество жизни над смертью как проявление чуда, и в этом смысл народной мудрости, народной философии, отразившейся в фольклоре.

В образе волшебной страны модель жизни достигает своего совершенства. Это пространство, где возможно найти убежище от страха перед миром мертвых, избежать горестей мира живых, что и позволяет волшебной стране снять бинарную оппозицию «живое – мертвое».

Бинарная оппозиция «живое – мертвое» – одна из самых фундаментальных, но не единственная в русском фольклоре. Нам представляется весьма ин-

интересным изучение бинарных оппозиции, как «власть – общество», «род – семья» Исследование этих бинарных оппозиций позволит получить новую интересную, одновременно инвариантную и амбивалентную информацию, уточняющую и дополняющую философско-культурологические представления о славяно-русской мифологии

Список научных публикаций по теме диссертационной работы:

Монография

- 1 *Васильев Ю Ю.* Между Жизнью и Смертью Волшебная страна в русском фольклоре – М Высшая школа психологии, 2008 – 156 с
Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК
- 2 *Васильев Ю Ю.* Град Китеж Пограничное пространство между жизнью и смертью в русской легенде // Философские проблемы культуры XXI века – М Рема, 2008 – С 201-216 (Вестн Моск гос лингвист ун-та, вып 543 Сер Философия и культурология)
- 3 *Васильев Ю Ю.* Проблема лимinality фольклорных персонажей в контексте бинарной оппозиции «живое – мертвое» // Вопросы культурологии – 2009, № 2 – С 75-80
- 4 *Васильев Ю Ю.* К вопросу о характере русской души (на материале русской народной сказки) // Философские и культурологические проблемы развития регионоведения, лингвистики и межкультурной коммуникации в современном мире – М ИПК МГЛУ «Рема», 2009 – С 116-124 (Вестн Моск гос. лингвист ун-та, вып 569 Сер Философия и культурология)

Другие публикации

- 5 *Васильев Ю Ю.* Волшебная страна в русской сказке // Психология, практика, образование формы и способы интеграции – М Институт психологии РАН, Высшая школа психологии, 2007 – С 137-158
- 6 *Васильев Ю Ю.* О медиационном потенциале русской традиционной культуры // Прикладная юридическая психология – 2008, № 4 – С 77-86

Напечатано с готового оригинал-макета

Издательство ООО "МАКС Пресс"

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г

Подписано к печати 08.04.2010 г

Формат 60x90 1/16 Усл печ л 10 Тираж 100 экз Заказ 158

Тел 939-3890 Тел/Факс 939-3891

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,

2-й учебный корпус, 627 к